

Содержание

От редакции.....	7
От автора.....	9
Глава 1. Человек родился.....	13
Глава 2. Гуси-лебеди.....	24
Глава 3. Матушкина услуга	33
Глава 4. Крысы, или Печальное событие, которого мы не ждали.....	39
Глава 5. Зимние забавы, и не только.....	50
Глава 6. Первоклассница	56
Глава 7. Незабываемые впечатления детства.....	69
Глава 8. Рождество и Святки	77
Глава 9. Нечистая сила	82
Глава 10. У последней черты.....	87
Глава 11. Так это было.....	98
Глава 12. Я расту.....	107
Глава 13. Летние каникулы.....	116
Глава 14. Желанный хлеб	123
Глава 15. Мы выбираемся из низа	131
Глава 16. Что случилось этим летом	138
Глава 17. Следы войны	146
Глава 18. Исповедь.....	152
Глава 19. Новое назначение	163
Глава 20. Праздники	171
Глава 21. Сваты и свадьбы	179
Глава 22. Не забывается такое никогда	184
Глава 23. Летние заботы	193
Глава 24. Большой костер.....	200
Глава 25. Где большая вода — там большая беда	206
Глава 26. Жили-были старик со старухой	216
Глава 27. Здравствуйте, я ваша тетя!.....	224
Глава 28. Жить стало лучше, жить стало веселее.....	234

Глава 29. Победители	244
Глава 30. За мечтой в соседнее село	249
Глава 31. Выпускница	259
Глава 32. Девушка с характером.....	283
Глава 33. Легкой студенческой жизни не бывает.....	290
Заключение.....	313

От редакции

Книга печатается впервые по рукописи.

Сокращения в тексте помечены угловыми скобками с уточением.

Разговорная лексика редактуре не подвергалась и сохранена в полном объеме.

Разъяснения диалектизмов, данные в постраничных сносках, сделаны автором.

Фотографии предоставлены автором.

Откровенно признаюсь: долго держал меня в тисках собственный запрет на воспоминания детства, но все же я решилась на склоне лет написать часть своей биографии. Удивительно, что за годы работы я ни разу не захотела отказаться от замысла. Получилась печальная послевоенная правда, местами мрачная, но реалистичная.

Над чем только не задумывалась я все эти годы: над историей своей страны, села, над жизнью своих родителей, предков. Я вспоминала колхозы, лесоповал, Великую Отечественную войну — как она прокатилась по нашим судьбам и через какие жизненные уроки мы, сироты войны, прошли...

По мере того как прибавлялись написанные страницы, росло и количество вопросов: как повлияла на нас малая родина, как сама она возникла и почему теперь умирает? Осмыслив некоторые страницы нашей истории, поражаешься парадоксу: как только деревня немного вставала на ноги, люди начинали жить по-человечески, строить планы на будущее, всякий раз как будто неведомый злой колдун насылал на нее еще более тяжкие испытания.

Хоть мы всего лишь маленькие человеческие молекулы, но не грозит ли нам непредсказуемыми последствиями ее гибель, ведь мы связаны с ней некой пуповиной, как мать и дитя. Утратив ее, мы становимся сиротами и теряем точку опоры. Это особая боль, которую мы не в состоянии унять. Я видела, как встречаются люди на своей родной земле: они собираются на пустом месте, идут на заброшенное кладбище, заросшее бурьяном... Мы с мужем были свидетелями, как до последнего держался один-единственный мужчина в деревне, пока не убрали, не смотали провода с телеграфных столбов... Эта книга — дань памяти нашей малой родины. Попытка восстановить речь, разговоры, выражения, рассказы, частушки, прибаутки, которые бытовали в то время

в нашем глухом краю. Сохранить для моих потомков то, что безвозвратно исчезает.

Но прежде всего мне хотелось вспомнить наших матерей. Их любовь всегда оставалась для нас незримой опорой. Их жизнь была превращена в кабалу, и они ничего не могли в ней изменить. Я имею в виду труд в колхозе. Пусть рассудит сама история, есть ли оправдание этим самым колхозам? У наших мам не было возможности нормально накормить семью, поухаживать за больными стариками, приглубить своих детей. А сколько калек оставил колхозный строй! Титанический, жертвенный труд был проделан... за палочки. Кто-нибудь покается когда-нибудь в этом насильно навязанном кошмаре?

В своей книге я много пишу о природе моего затерянного края. Мне хотелось подчеркнуть, что борьба с суровым климатом, всякого рода лишениями не только закаляла характер, она была едва ли не главным учителем, вызывая могучую потребность в самой жизни.

Может получиться, что далеко не всем наши жизни покажутся интересными, но то, что они поучительны для потомков, — я не сомневаюсь. Мы должны были не единожды умереть, но всякий раз Бог оставлял нас здесь, в этой жизни. Разве тут не задумаешься: зачем? Когда-то давно я прочла у Евгения Богата, известного популяризатора науки: «Может, самая интересная жизнь — это жизнь незамечательных людей, в будущем, может, создадут такую серию. И вот когда в этой серии начнут выходить тома книг, мы поймем, что незамечательных людей нет».

Во время работы над рукописью я понимала, что отдаю себя не пустому делу. Ведь самое настоящее, что есть у человека, — это его биография.

Татьяна Новоселова

*Памяти моей мамы
Елизаветы Харитоновны Шестаковой*

Глава 1

Человек родился

Моя малая родина — «опорный край державы». Металл, камни-самоцветы, лес — богатства края. Лесозаготовки велись здесь испокон веку. Весной лес сплавляли по его рекам и, конечно, по моей родной реке Туре — самой длинной реке Урала, на которой я родилась и выросла. Лесозаготовки, лесосплав — это удел мужественных, сильных, умелых людей.

Наша Тура с виду кажется тихой и спокойной, но для дальнего сплава река не простая. Сплавщики — люди сноровистые, вооруженные баграми, лихо управляли они ходом плотов. В нашем селе сплавщики пользовались особым уважением за свой труд, а еще за то, что были они отличными рассказчиками. Реку знали, как свой родной дом, а впрочем, она и была их домом. Каждый год с раннего детства мы, ребяташки, стоя на берегу Туры, с большим любопытством наблюдали лесосплав. Мы видели, что плоты были связаны друг с другом в большие плитки, на последней обязательно стояла избушка — жилье для сплавщиков. И чего там только не было! Лодки, длинные мочальные веревки, багры, топоры и весь сплавной инвентарь. В ночное время на каждой плитке пылал костер, чтоб видеть, как идет сплав, нет ли где зацепок и заторов. Бреднем тут же в Туре ловили рыбу для пропитания. Ели только крупную, мелкую выпускали обратно. Не раз приходилось с берега наблюдать, как мимо нас проплывала целая семья сплавщика. Сушилось выцветшее на солнце бельешко, отец готовил рыбацкие снасти, хозяйка что-то помешивала в чугушке на примусе, который стоял подальше от избенки, а орава ребяташек кричала, махала нам приветственно руками. Мы тоже в ответ подпрыгивали на берегу, визжали непонятно от какой такой радости, хлопали в ладоши и конечно же завидовали: ведь они плывут, движутся и видят, что происходит на берегах нашей длинной реки, а мы стоим, разинув

рты, на одном месте. Нередко жившая тут же на берегу, краснощекая и добросердечная Тоня Евланиха, так звали ее все в селе, выглядывала в створку окна и подзадоривала нас: «Завидно, поди?» Или, смеясь, говорила: «Рыбак рыбака увидел издалека». У Тюмени, по рассказам, лес выкатывали на берег, клеймили, конным транспортом подвозили к товарным вагонам, грузили на платформы и отправляли по назначению. Работа была тяжелая, почти лошадиная, приходилось все делать вручную.

Сталинские репрессии не обошли стороной и наши края. В верховьях Туры в районе лесного поселка Санкино, что от нашего села Ленское километров пятьдесят будет, был устроен лагерь для репрессированных, которых под конвоем использовали для лесозаготовок и сплава древесины. В войну и после нее потребность в лесозаготовках значительно возросла, а рабочих рук не хватало, в особенности мужских, и ранешнюю технологию лесосплава, не допускавшую потери ни одного бревна, заменили дикой технологией молевого сплава, которая погубила и древесину, и реку Туру. При ней деревянные лесины плыли по одной, врассыпную, как попало. Потери были огромны. Помню, каждое лето до глубокой осени наши деревенские мужики заготавливали дрова из бревен, доставшихся им от такого лесосплава. На всем берегу вдоль деревни стеной стояли поленицы дров. В результате этой дикой технологии вся березовая и лиственничная древесина до сих пор лежит или сгнила на дне реки. Тура стала непроходимой для катеров, не говоря о пароходах, которые когда-то бывали в наших краях. Во время большого половодья чуть не половина сплавного леса разносилась по лугам и полям, засоряя эти поля и сенокосные угодья. Забегая вперед, скажу, что летом мама ежедневно наговаривала мне: «Не вздумай купаться, а хуже того — нырять, да книзу головой. Везде топляки, расколешь голову. Чё я тогда буду делать, волосы на себе рвать?»

В самый разгар войны на лесоповал отправляли из колхозов всех, кто годился, кроме стариков, инвалидов и детей. Всю свою долгую жизнь мама вспоминала лесоповал, куда ее

отправили от нашего колхоза «Красный пахарь». Я и сейчас помню ее рассказы. По мере моего взросления и осознания происходящего, я засыпала ее вопросами.

— Что ты там делала, мама?

— Все, что десятник скажет. Отпираться не будешь или судить-рядить, ведь не на курорт приехала отдыхать. Мужики лес ручными пилами с комля пилили, а мы сучья обрубали по колено в снегу, а когда и до пахов. Потом я ледянку мела дочиста ползими, чтоб лесины удобнее было к реке по ней скачивать, а там эти бревна скрепляли в плоты.

Позже мои вопросы уже требовали подробностей, так я узнала, что ледянка — это широкая, длинная, сплошь вся ледяная дорога. Ее готовили заранее, расчищали от деревьев и кустов. Самым трудным было выкорчевывать пни.

— А как выровняем к морозам, — рассказывала мама, — то в бочках на лошадях подвозили воду с реки, заливали ее водой, и делалась она тогда ровной и вся изо льда. Лошадей ковали хорошо, чтоб не падали и не катались. Иногда за ночь снегу на нее наметало почти по колено, вот я и сгребала его на стоны, да мела ее метлой.

Тут в ее рассказ вступала я с вопросом: а не падала она, не ушибалась ли?

— Еще как! Так хлопнешься, что все в тебе сбрыкает, а из глаз разноцветные искры посыплются. Жаловаться было некому. Наперед знала, чё десятник скажет: «На молодом теле, Лиза, нет накладу».

— А вы в бане мылись?

— Вот ведь какая ты неумная: все тебе надо знать с пяты до пяты.

Помню, перед ответом на этот каверзный вопрос она залилась звонким, веселым смехом, глаза ее прищурились и за сверкали.

— А вот скажи про это сейчас доброму человеку, так не поверит. Баня была одна на всех. Стояла она недалеко от барака. Большая, с двумя печами, а в печах вделаны котлы для воды. Была она с предбанником, там на шесте березовые веники висели. Мылись сразу все вместе: и мужики и бабы, только

сидели на скамейках по разным сторонам. Свой стыд вениками прикрывали. Пару было много, а хохоту еще больше.

Мы все тогда дружно жили, народ был другой, и время другое, и трудности были одни на всех. Разглядывать никто никого в бане не будет — не до того. Мы лес валить приехали, а не свое тело казать да холить. Там каждая секунда рабочего времени была на счету. Все, как на войне. Мы все вместе ни свет ни заря на работу до самой темноты, пока команду не получишь от десятника.

Я не понимала, зачем надо было мыться всем вместе, и просила ее тут же растолковать это хитроумное обстоятельство. Оказалось, это делалось для того, чтобы работа не стояла, ведь все они в этой технологии зависели друг от друга.

— Легче всего мне было, когда перед самым декретным отпуском поставили меня на легкий труд — носить в огромной паевке за плечами еду лесорубам. Ближе к бараку лес был давно вырублен, лесорубы углубились уже далеко в лес, а время на ходьбу мужикам терять не положено. Вот я и носила им подкрепление. Чаще всего брела по сугробам по пояс. А то и вовсе пурхалась в снегу, как в пуху, но, главное, скажу тебе, Таня, за всю зиму ни одних штанов не износила. Никаких. У меня их вообще не было. Надевала на себя юбки, какие были, да длинный шугай (пальто по-теперешнему).

Не я одна так горе мыкала. Моя двоюродная сестра Фекла Федоровна, или, как по-свойски называла ее мама, Феклуня, перешеголяла меня. Она три зимы подряд на лесозаготовках мантулила. Да, что говорить, там работали люди и не нам чета.

Тут надо сделать небольшое отступление и пояснить, что такое трудовдень, за который работали люди в колхозах и здесь, на лесоповале. По словам моей мамы (а не из энциклопедии), трудовдень — это поставленная палочка карандашом на бумажке у бригадира. По количеству этих палочек в конце года определялось трудовое участие колхозника в общественном хозяйстве. Видимо, так на деле осуществлялось социалистическое распределение по труду. А заодно работал принцип укрепления трудовой дисциплины, так как трудоводни могли зачеркнуть или не записать вовсе, если бригадир показалось, что

качество выполненной работы низкое. Но могли, наоборот, начислить полтора, два, половину трудодня. Это делалось чаще по собственному усмотрению бригадира, а по словам мамы — «черт знает, как они их начисляли». Нарисованные простым карандашом, они от времени могли стереться, и колхозники нередко замечали: «Фимическим карандашом рисуй, да плюй на него шибче, чтоб не стиралось». Я, будучи школьницей, была свидетелем ведения этой бухгалтерии и крепких разборок.

В конце декабря 1943 года маме дали декретный отпуск на неделю по случаю предстоящих родов, а в придачу неожиданно порадовали тремя метрами ситца и отправили одну домой. В конце декабря морозы стояли под -25 с ветром, идти предстояло далеко, и все на своих ногах. Деревни дорогой встречались редко, кругом один лес. Зима была снежной. Иногда маленькие снежинки, словно белый пчелиный рой, падали с веток деревьев на голову, лицо. Снег хрустел под ногами, как сухари. Волосы из-под платка сидели на морозе, пар от дыхания туманил глаза и мешал идти. Кругом таежная ширь и раздольность тайги. И чего только не передумашь за дальнюю дорогу! Кругом ни души, только лес по обе стороны дороги стоит стеной. Молчат оба, но могут и расшуметься: он в бурю, а она только лишь в праздник, но о них, о праздниках, уже давным-давно все забыли. Да, сжились мы здесь, в вековой глухомани, с лесом, как со своим именем. И какая участь ждет нас? Может, вместе и погибнем. Он — от пилы и топора, а мы — от войны: от голода и холода. «И зачем я такое думаю сейчас? — спохватилась вдруг она. — Выбросить надо это из головы, мне такое сейчас думать не положено, а то ребенок угрюмый родится, а кто на свет идет — тому надо жить и радоваться».

Вокруг на огромном пространстве звенела тишина, лишь одна-единственная дорога вела взор вперед. Будущая мать прибавила шаг, но думы, чаще всего тревожные, наваливали на нее снова и снова. В длинном шугае идти неудобно и тяжело, но, слава Богу, ветер не мог просквозить. На ногах у колхозницы обутки. Так назывались в наших краях легкие полуботинки из кожи, которые шили сами. Хорошо, что мама все умеет делать своими руками. Специально для лесозаготовок

пришлось связать две пары длинных толстых шерстяных чулок, как говорила она, «за коленко». Зимой их сразу вместе и надевала. В ту пору редко у кого были валенки, а главное, шерсти не было, ее «отдавали государству».

Что было у нее на душе, когда шла она с тяжелой ношей одна в почти необжитых местах? Скорее всего, в таких условиях всякий спешит засветло дойти до ночлега. Вот наконец-то под вечер улыбнулась маленькими, еле мерцающими огоньками маленькая деревушка Фадюшино, она уже уткнулась в ночную синь. Рано наступает в наших краях ночь с ее ярко-светлыми звездами, тишиной, необъятным небесным простором. В первый день пути прошла со мной мама почти 20 километров. Когда хотела пить, ела чистый снег. Остановилась на ночлег в Фадюшино у незнакомых людей, которые, жалеючи, пустили переночевать женщину на сносках. Уснула конечно же сразу крепким сном, а утром обнаружила, что такие желанные три метра товару кто-то украл из-под головы. Хозяева избы начали горевать вместе с ней и хлопать себя по бедрам.

— Наверное, соседка тяпнула, это она нечистая на руку.

Мама, поняв, что искать потерю бесполезно, «завыла горячим горячим» и начала подвигаться к дому с пустыми руками. Хоть слезами горю не поможешь, но повоеешь — легче станет. «Кто взял грех на душу, пусть с ним и живет», — рассудила она.

Второй день пути был более тревожный, чем первый. Начала ныть спина, очень хотелось есть. За украденный товар ее даже не попотчевали, как следует. Дул легкий ветер, поземка переметала дорогу. Мороз бодрил, румянил щеки, щипал. Кончики пальцев рук и ног начали подмерзать, так как идти быстрым шагом не было сил. Мама не знает еще, кого несет под своим сердцем: сына или дочь. Сын — это хорошо, в наших суровых краях жить с сыном легче. Будет дрова на зиму припасать, рыбу ловить, но ей хотелось дочь, она ближе к матери. Будущая наша жизнь вся на воде вилами писана, до этого еще много воды в Туре утечет, надо сперва благополучно разрешиться, а теперь до деревушки Старой Шишкиной дойти. Там жила мамина родная сестра Матрена, пятью годами старше. «У Моти и передохну», — подумала она. Но, пройдя час-другой,

ей нестерпимо захотелось полежать, а потому пришлось по пути зайти к знакомым в деревню Моторина. Добросердечная хозяйка дома приветливо встретила женщину.

— Опнись¹, Лизуха, ты ведь не простая идешь, с ношей. Полежи на лавке.

И хозяйка предложила под голову непрошеной гостье подушку. От тепла, приюта наша путешественница разомлела и быстро заснула. Когда проснулась, ей предложили поесть «что Бог послал». Завязался разговор.

— Откуда и куда ты качаешься и не боишься, что дорогой прихватит?

— Мне на неделю декрет на лесозаготовках дали, вот и продвигаюсь к дому.

Хозяйка тем временем внимательно посмотрела на маму.

— Ты ведь первородок и еще ничё не знаешь, а мы, бабы, народ терпеливый да безответный, не зря ведь пословицу придумали: «Куда черта не понесет — туда бабу надо послать».

Мама с этим согласилась:

— Так оно и есть. Вон у меня товар из-под головы утащили и хватай-имай, я ничё и сказать не могла на это.

— Ага. В твоём положении всем попустится, лишь бы самой заживо ноги унести. Наплюнь уж, Лиза, на товар, береги свою кровиночку — ее тебе уж недолго осталось нести. Верю, не дай Бог никому на худого человека натакаться. Худого человека не научишь. Идет такая война, горя да слез в каждом доме, хоть отбавляй, забот — полон рот, а тебя еще и свои нагнут. Ладно, не страдай, Лиза, переживем, не это еще люди переносят. Зато много трудодней, наверное, заработала?

— Там много не заработаешь, лишнее не запишут, да кормил нас колхоз. Везде ведь счет да выкладка. Нормы на трудодень высокие, еле я их выполняла с брюхом-то. А будь что будет.

Вспомнили еще десятников, которых понужать да шпиговать «нашего брата не учи, они на том коне сидят...». Хозяйка в беседе не спускала глаз с гостьи и смекнула, что ее пора провожать из дома.

¹ Опнись — остановись, сядь посиди, отдохни.